

Журнал "Вокруг Света"

№10, октябрь 1962

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №10, октябрь 1962 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43233-7

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Ледовое поколение- Рассвет над островами- Хумаэрхэ принимает новоселов- Звездолетам бороздить космос- Подводный лик планеты

ISBN 978-5-458-43233-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

морьяком, — говорил адмирал Макаров, — надо подолгу оставаться в море и этим приобрести привычку быть между небом и водой, считать море своим домом».

В своей книге «Подвиг Магеллана» Стефан Цвейг приводит латинскую поговорку: «Плывать по морю необходимо...» Только ли в этом дело? Разве ничто, кроме этого, не влечет к морской службе, полной трудностей и риска?

Говорят еще, что сила, которая тянет в море, — это прежде всего любовь к кораблям, которая, по выражению Джозефа Конрада, «не запятнана, как любовь к домам, тщеславием собственника». Много изменилось со времен Конрада, на смену белокрылой красоте парусов пришла красота стремительных линий современных теплоходов, но в этой вечной тяге человека к морю сохранилась все та же великая романтика, о которой бредят юноши и о которой стесняются говорить вслух, как о самой нежной любви, суровые капитаны.

Трудно, очень трудно коротко определить ту силу, которая заставляет молодых выбирать голубые дороги. Да и нуждается ли она в четком определении? Главное то, что она есть.

Романтика моря всегда пленяла юных. «У молодежи, — говорил Калинин, — всегда есть желание обойти весь свет пешком, пойти в моряки, быть капитаном, открывать новые части света».

Сейчас в Москве создана постоянная выставка «Морской флот СССР». Наш флот за семилетку должен увеличиться примерно в два раза, он пополнится новыми, быстроходными судами, значительно возрастут международные перевозки. В эти дни, отмечая годовщину исторического XXII съезда партии, принявшего великую Программу строительства коммунизма, мы с гордостью видим, что развитие нашего флота идет поистине гигантскими шагами. Флот растет... Это значит, что ему понадобится немало крепких и смелых людей, которые решат связать свою жизнь с далекими плаваниями. Это для тех, кто с детства мечтает о море, с утра поднимаются на корабельной мачте морские флаги около здания выставки флота у Сретенских ворот.

Близ входа на выставку врылись тяжелыми лапами в землю чугунные якоря. Странно видеть их среди сутолоки столичных улиц. Это настоящие якоря, когда-то они спускались в темнеющую глубину морей, как надежда штормующего судна. Теперь они на покое — эмблема моря, его вечный символ.

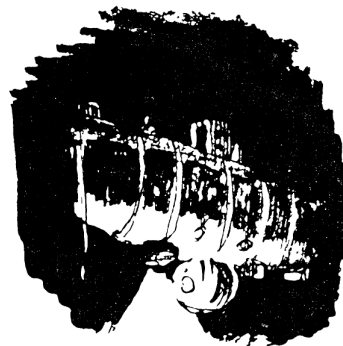
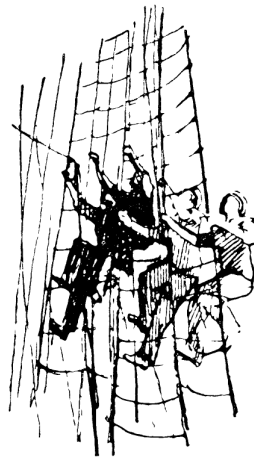
На выставке корабельная чистота. У дверей вместо ковров настоящие корабельные маты. Здесь, на выставке, вы почувствуете себя в двух шагах от моря. Здесь стоит запах трав, из которых свиты толстые корабельные канаты. Здесь черные огромные звенья якорных цепей, которые в минуту бешенства рвет море, какжутся такими тяжелыми и большими... У одного из стендов горят настоящие ходовые огни, большие треугольные фонари за толстым стеклом: зеленый для левого — бакборта, и красный для правого — штирборта. Здесь корабельные компасы и дальномеры, набор сигнальных флагов, подарки иностранных моряков, напоминающие о самых дальних странах.

На выставку приходят мальчишки. Они оглядываются по сторонам, стараясь незаметно тронуть что-нибудь руками, и сами не верят своему счастью, когда экскурсовод, вместо того чтобы вывести из зала, приглашает их встать за настоящий штурвал — деревянный, отделанный медью штурвал со знаменитого ледореза «Литке», отслужившего свой корабельный срок. Вокруг штурвала расположено все оборудование штурманской рубки «Литке», и за ее стеклами открывается панорама ночного порта с мигающими огнями маяков... Замирая от счастья, мальчишка в пионерском галстуке на секунду представляет себе, как он ведет настоящий корабль к неизвестному берегу.

На выставке вас встретит ее директор — «давнишний капитан» Александр Павлович Бочек, один из самых старых русских моряков. Вы поразитесь его наружности: небольшого роста, с обаянием деликатного, мягкого человека глубокой культуры, с аккуратными усами, придающими ему домашний, «дедушкин» облик. Но в памяти его — долгие годы во льдах Арктики, в злых штормах Тихого океана, напряженная работа в портах Америки в дни войны. Это он был инициатором постройки тех небольших, но прочных вспомогательных самоходных барж, одна из которых под номером «36» выдержала в течение 49 дней бешенство Тихого океана... Я спросил у Александра Павловича: «Как вы плавали в старину у Камчатки? Ведь там, говорят, тогда и маяков почти не было...» — «Да как и все, обыкновенным образом. Вот только маяков действительно почти не было. Однажды вышли из Петропавловска, и, пока не пришли во Владивосток, все был сильный туман, так ничего и не видно было за все время. Чутьем определялись. Сейчас другие корабли...»

* * *

Как-то я попал на Камчатку... С первых дней я ждал встречи с этим кораблем, как с живым человеком, о котором уже много слышал. Я увидел его неожиданно утром. Ему дали хорошее имя — «Стерегу-

щий». Он был создан для борьбы с морем за жизнь человека, и само название его говорит о суровости океана.

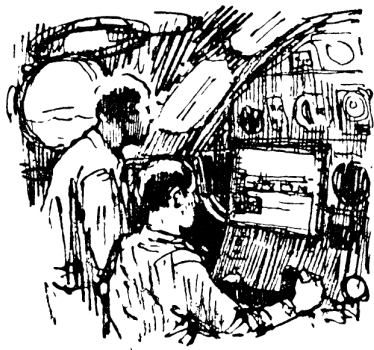
Если судно потерпело аварию, не слушается управления, если остановился двигатель и волны вступили с кораблем в последнюю жестокую игру, даже самому опытному капитану приходится трудно. Океан пуст до горизонта, и ветер заглушает крики о помощи. Аварийная радиостанция с поспешностью предсмертного пульса посылает в эфир сигналы бедствия.

Но вот над волной встает высокий форштевень: «Стерегущий» сквозь шторм пробивается к сейнеру на большой скорости. Корпус его дрожит от усилий мощной машины, волна проходит над палубой и задраенными люками до кормы... Еще осталось полкилометра, но боцман уже припал к похожей на миномет гарпунной пушке, которая перебросит на сейнер, попавший в беду, трос для передачи буксира.

На «Стерегущем» ходовая рубка не бывает «слепой» даже во время сильного снегопада: в стекла вплавлены тонкие проволоки обогрева, а два круглых иллюминатора вращаются с большой скоростью, сбрасывая с себя снег и влагу. Мощные прожекторы освещают его путь. Специальный прибор показывает штурвальному положение руля. Электрический лаг, выдвигаемый из днища, отсчитывает скорость движения. Новейшей конструкции эхолот сообщает глубину. Локатор позволяет ориентироваться в тумане. Два быстрходных моторных бота укреплены на стрелах так, что их можно быстро спустить на воду. Для больных и пострадавших оборудован лазарет. Чтобы ночью в штормовом море не потерять спасенное судно, при предельном напряжении буксирного троса включается аварийная система тревоги. Мощность машины достаточна, чтобы вести за собой океанский пароход.

Спасатель не должен знать покоя. Во время шторма он находится в море, в хорошую погоду месяцами ходит в районе работы сейнеров, снабжая их водой, топливом и продуктами, всегда готовый оказать им любую помощь, — недаром его трюмы рассчитаны на плавание без берега в течение четырех месяцев.

Но и на этом специально оборудованном корабле нелегко служить. Из-за особенностей конструкции его качает жестоко, а низкую заднюю палубу на быстром ходу все время заливают волной...

* * *

Спасатель не знает покоя... Ну, а знают ли его те, кто в стороне от обжитых трасс бороздит океан на небольших научно-исследовательских судах? За годы советской власти на корабли пришло немало мореплавателей нового типа. Это люди, чья молодость совпала уже со зрелостью нашего флота; их стремление к морю вызвано не одним лишь желанием померяться силами со стихией, но и научным поиском, страстью исследователей.

Давно открыты новые земли, архипелаги, острова, но море по-прежнему скрывает много тайн — только теперь исследование направлено уже невширь, а вглубь. Теперь мы не пространственно, а как бы объемно изучаем и осваиваем водную стихию, и это требует участия большого количества людей, требует гигантских усилий. Экипаж со временного научно-исследовательского судна — это ихтиологи, акустики, специалисты по электронной технике, океанологи, биологи, геологи, метеорологи...

Так рождается романтика научного познания моря.

Простор моря беспределен, а глубина его в океанских впадинах превышает высоту самых больших гор на земле. Там, в таинственных сферах, куда не проникает свет с поверхности, совершается сложное движение жизни, еще так мало известное нам, что мы, привыкшие к тому, что рыбы немые, удивляемся сообщениям о зафиксированных гидрофонами криках и стогах подводных обитателей или можем только гадать, почему, когда над морем встает луна, рыба уходит и сети остаются пустыми... Наш взгляд на море, особенно если иметь в виду рассеянное любопытство туриста или курортника, еще можно назвать в буквальном смысле «поверхностным».

Рельеф морского дна таит свои откосы и склоны, хребты и горы, которые иногда беспокоят капитанов открытием в зоне больших глубин пятиметровой отмели, опасной для осадки корабля... На плоскогорьях, среди подводных лесов и лугов, так живо представленных еще Жюлем Верном, расположены пастбища рыб, а у подводных островов и гротов таится сказочная прелесть коралловых садов, ставшая доступной нашему взору благодаря подводной киносъемке.

Молодые приходят на корабль, чтобы изучить глубинное море, а оно — это теперь хорошо известно — все, до самого дна, наполнено жизнью. Жизнь есть в нем повсюду, даже в самых холодных водах; и я помню, с каким волнением увидел на дрейфующей станции «Се-

верный полюс-7» в ледяной воде квадратной проруби, пробитой океанологами над глубиной океана, в проруби, куда уходили, как черные змеи, тросы, драги и лоты, — небольших, с перочинный нож, резвых рыбок, называемых сайками, привлеченных ярким светом электрического фонаря.

Исследователи говорят, что только в наше время начинается настоящая эра покорения морей. «Когда-нибудь в будущем, — пишет Хейердал, — люди начнут, пожалуй, думать о сборе планктона в море в больших масштабах, как когда-то, давным-давно, им пришла в голову мысль о сборе зерна на земле. От одного зерна нет пользы, но в больших количествах оно становится пищей». В Нидерландах, Франции и Австралии морские водоросли уже используются для откорма скота. В нашей стране у Белого моря применяется «северный концентрат», состоящий на 80 процентов из водорослей; его изготавливают плавучие фабрики с граблями и транспортерами, дающие до 40 тонн кормов в день, — так воплотились в жизнь сцены из фантастического романа Александра Беляева «Подводные земледельцы».

Неисчерпаемы запасы моря. Железо и медь, никель и кобальт, ванадий и золото в большом количестве растворены в морской воде, где обнаружены почти все элементы таблицы Менделеева. А на дне геолога ждут целые залежи полезных ископаемых.

Как купающийся, входящий в холодную воду, осторожно и медленно, но все более уверенно, человек нащупывает путь в таинственные глубины...

Освоение морских недр — задача будущего, и, надо полагать, она будет решена молодыми, теми, кто нынче только выходит на широкий и романтический простор морских исследований.

* * *

Для молодежи, мечтающей о море, сейчас в нашем флоте открыты все дороги. До революции, когда начинал плавать Александр Бочек, нынешний директор морского музея, не было учебных заведений, подготавливающих капитанов. На мостик можно было подняться только после долгой практики, и не случайно капитана тогда называли «старик». Эта должность была привилегией пожилого возраста. А теперь три высших инженерно-морских училища готовят командиров флота, тринадцать средних училищ — матросов, мотористов и электриков. Прежде чем начать служить, они проходят настоящую практику на кораблях, причем не только на современных, но даже и на парусных.

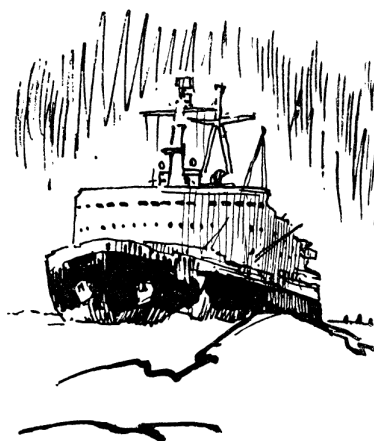
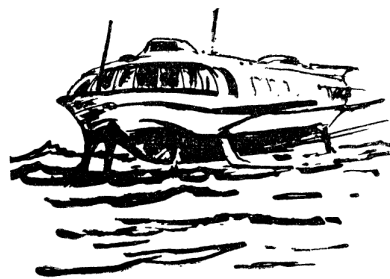
Голубой целиной называем мы теперь простор морей, омывающих большую часть границ нашей Родины. Еще лет семьдесят назад Россия вела промысловый лов главным образом в Азовском море и на Каспии, затем вдоль побережья прилегающих морей. Теперь мы все больше выходим на широкие дороги океана.

Круглый год от наших берегов смелые люди в рыболовецких куртках уходят в океан за добычей. Я встречал на Камчатке таких рыбаков, как знаменитый капитан Малякин, уже наловивший на своем сейнере столько, что мог бы целый год кормить рыбой большой город вроде Хабаровска.

Круглый год от наших берегов отправляются к портам Африки, Южной Америки, ко многим дальним пристаням торговые суда. Недаром говорят, что море — поле мира. Торговый флот связывает страны крепкими, по-морскому, узлами дружбы; до сих пор основное количество грузов в международной торговле перевозится морем. Характерно и знаменательно, что именно в нашей стране, отстаивающей дело мира, торговый флот растет невиданными темпами.

Новые моряки вступают на дороги моря. И так же, как в незапамятные времена, в сердце человека вдруг возникает особое чувство, которое надолго определит его склонности, — стремление к мореплаванию. Стремление к морю — к тому морю, которое может быть неповторимо в своей красоте и свободе или жестоко настолько, что лишь воля людей в состоянии устоять против его безумия. Стремление к морю, которое скрывает в своих глубинах еще немало великих тайн, не раскрытых даже в наше, богатое техникой время. Но, быть может, один из тех мальчишек, что впервые ощутили в своих руках корабельный штурвал на выставке флота, со временем станет Колумбом океанских недр и твердым взглядом исследователя проникнет в их непроницаемую темноту.

Может быть, где-нибудь на Смоленщине тебе, молодой читатель, вдруг послышится далекий шум волны; может быть, на тихом полустанке, затерянном среди лесов, ты вдруг от внезапного порыва ветра, пришедшего с каких-то дальних берегов, ощутишь невыносимо мнящийся острый запах свежей влаги... Это море зовет молодых, тех, кто может стать бесстрашным и твердым, чей путь лежит в океаны.

«...После таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать...»

М. КУТУЗОВ

1812—1962

МОРЕ

Вы сможете переправиться через море, не выходя из железнодорожного вагона. Откроете окно и, подставив ветру лицо, увидите море совсем близко. Под вами будут рельсы, и под вами будет вода. И это намного лучше, чем лететь в самолете, где надо вытягивать шею, чтобы посмотреть вниз, а смотреть надо только вниз, потому что по сторонам все окружено желтым слепящим блеском. За полчаса нельзя разглядеть море. За те полчаса, которые самолет летит от Баку до Красноводска, нельзя увидеть, что море одновременно бывает и серым, и мутно-зеленым, и совсем зеленым, как листья олив, и таким голубым, что его можно отличить от неба только потому, что в небе не бывает барж, пирсов, леса стальных вышек и юрких моторных лодок, которые тащат за собой белую пену. С большой высоты море кажется твердым и немым. Сидя в самолете, нельзя услышать, как шумит море, как дико и хищно кричат чайки, как со свистом проносятся фламинго ровным розово-белым косяком, и нельзя почувствовать аромат моря, необыкновенный, особенный. Это море не так ласково и красиво, как Черное. Здесь нет скал, о которые бьются волны, и ветер не прине-

сет вам запаха пляжей и кипарисов, он принесет вам запахи по- сильней. Каспийское море пахнет железом, нефтью, каучуком, солью, рыбой. Люди не просто плавают по этому морю, они живут в нем. Покрытое рябью, с высоты в несколько тысяч метров оно кажется шершавым, как натруженная ладонь, огромная и залитая солнцем.

Утром мы не предполагали, что придется лететь.

— Мы хотим переплыть, а не перелететь на ту сторону.

Диспетчер в порту осмотрел нас, прикрыл окно. Была ранняя весна, и даже здесь, на юге, дул холодный ветер.

— Но вы же знаете, что навигация еще не началась.

— А паром? Ведь до Красноводска запроектирован железнодорожный паром?

— Паром на заводе. Приезжайте осенью — тогда уже будет переправа...

...Вы сможете переправиться через море, сидя в своем купе, потому что сейчас осень. Море будет шуметь и плескаться совсем близко. Перед вами потянутся берега, застроенные и совсем пустые, зеленые и белые от ракушки, потом бесконечная гладь воды.

ГОРОД НА КРАЮ ПУСТЫНИ

Вместо синей воды — песок. Он кое-где желтый, кое-где розовый. Это уже восточный берег Каспия. Это уже Туркмения.

Земля совсем плоская. Редкие кустики жесткой травы, спокойные, надменно равнодушные верблюды — и больше ничего. И можно себе представить,

КАСПИЙ море, берега, люди

как бросится вверх песок, если подует сильный ветер. Но ветра нет. Тепло и тихо. Распластанная земля и серо-голубое, совсем летнее небо. Хотелось, чтобы колеса скорей пробежали по этой пустой равнине...

И шоссе вдруг ныряет в узкое ущелье, сворачивает влево — открывается Красноводск: крыши домов, улицы, люди, автобусы... Сперва дома одноэтажные, потом двухэтажные. Женщины в белых и красных платках. Неторопливые старики, которые и в жару носят свои высокие тюльпеки. Девушки с черными тонкими косичками... Цистерны, на которых написано: «ВОДА». Неожиданно обнаруживаешь, что город лежит окруженный горами — каменная подкова концами упирается в море. Вид у гор Кува-Даг довольно мрачный. Почти отвесные голые стены, где хорошо разве змеяи и где не так просто добывать камень. Весь город сделан из камня, который здесь называют «гюша», — это спрессованные самой природой ракушки. Деревя нет — вокруг пустыня.

Море и горы немного спасают Красноводск от пустыни. Но в неподвижный зной, когда дома, асфальт, и сам воздух вокруг, и небо становятся нестерпимо белыми, от гор пышет жаром, а море лежит дымное, будто расплавленное.

В знойный день даже у самого моря дышать трудно и очень трудно ходить по горячим доскам мимо лебедок, железных кранов, нагретых цепей, тросов, среди портового лязга и грохота. Не слышно, как набегают и откатываются волны. неподвижно стоят пароходы и баржи. Их так много, что моря почти не видно. Трюмы начинены сахаром, мукой, цементом, лесом, металлом. Все это по железной дороге покатит в глубину Средней

Азии. На противоположный берег суда перевезут барит — минерал, нужный химикам, хлопок, казахстанскую пшеницу. С осени вагоны с пассажирами и грузами будут закатывать на паром, и тогда в порту станет немного тише.

Прежде Красноводск был только порт и последняя железнодорожная станция перед морем. Теперь это растущий промышленный город. И теперь здесь легче найти себе дело по душе. Анатолий Фролов, молодой человек, которому двадцать шесть, вернувшись из армии, мог отправиться, например, по соседству в Котур-Тепе, где недавно открыли нефть, или мог пойти на строительство газопровода Кум-Даг — Красноводск, или мог сесть на баркас и ловить рыбу. Он выбрал нефтеперерабатывающий завод. Тогда у него было свидетельство об окончании семи классов...

Когда мы уезжали из Москвы, Лев Раскин сказал:

— У меня не очень выходят портреты. Деревья и цветы, если говорить правду, получаются лучше.

У проходной завода он долго фотографировал Анатолия Фролова, теперь уже старшего оператора сушильной установки, студента-заочника института имени Губкина. Была в тот день серая погода, вот-вот мог начаться дождь, и снимать было трудно.

— Нет, наденьте кепку снова и отойдите туда. И не обращайтесь на меня внимания. Расскажите еще про сульфанола, — Раскин вертел всеми своими аппаратами. — Сколько теперь нужно времени, чтобы вымыть цистерну из-под нефти?

Сульфанола — это великолепное и дешевое мыло, для производства которого не нужно ни жира, ни яичного желтка. В Красноводске научились его делать отлично, и оно расходуется по всей стране.

— Раньше несколько суток. А теперь сульфанола... Я не знаю... Минут семь-десять, — сказал Анатолий. — Я сейчас принесу немного, вы посмотрите, как он выглядит...

— Так, хорошо. Только не смотрите на меня. А кто в цехе работает лучше вас?

— Виктор Журавлев. Я в марте дал сто двадцать процентов, он дал сто двадцать семь. У него бригада коммунистического труда.

— А много у вас в цехе молодежи?

— У нас не только в цехе. У нас весь завод, можно сказать, молодежный. Так я вам сейчас принесу немного, вы посмотрите...

— Ну, должно получиться, — сказал Раскин. — Вы освоили сульфанола; интересно, что получится у меня.

Вечером горы Кува-Даг как черные тучи, которые ровной полосой лежат на горизонте. Звезды качутся холодными. Тепло струится от земли. Оно течет по улицам так же медленно, как толпа. Мы идем возле Музея двадцати шести бакинских комиссаров. Ярко освещен Дворец нефтяников. Воздух совсем летний. Когда набегает ветерок, над приморским парком повисает смутный зеленый шорох. Но это только для нас шорох, а для тех, кто живет здесь, у кого дом на самом краю пекла, это что-то гораздо большее, потому что совсем не просто вырастить деревья на безводной земле. Этим деревьям, которые посажены комсомольцами, только год. Но под ними уже бывает тень и воздух другой.

За трехэтажными новыми домами гудят автобусы. Приятно видеть, что и здесь вырастают новые дома. По крутому склону мы спускаемся к воде. В порту горят огни. Если завтра улететь в глубь пустыни, то сегодня, наверное, хорошо молча постоять у моря и послушать, как оно дышит, спокойно и ровно. На север от нас пески, и еще там — Кара-Богаз-Гол, место почти всем известное, обжитое, о котором написаны книги. Там добирают мирабилит. На юге — тоже песок. Но о том, что делается на юге, мы знаем хуже. Поэтому наша дорога — на юг.

ПОИСКИ ПИЛАХУЭРТИ НЕЙКА ПРОДОЛЖАЮТСЯ

«В одну из поездок Уваров услышал легенду о том, что среди хребтов Анадырского нагорья имеется гора, почти сплошь состоящая из самородного серебра. Гора находится на небольшой речке Поповда, имеет незначительные размеры и носит название Пилахуэрти Нейка».

Это строки из приключенческой документальной повести Олега Куваева «Не споткнись о Полярный круг!», опубликованной в пятом номере журнала «Вокруг света». Геолог и писатель Олег Куваев рассказал о том, как двое энтузиастов решили проверить рассказы о существовании Серебряной горы. Но им не удалось найти Пилахуэрти Нейка — не было ни достаточного времени, ни хорошего снаряжения. После выступления журнала газета «Советская Чукотка» опубликовала статью И. Гурченковой о том, что легенда о Серебряной горе требует дальнейшей проверки. Район, где, по рассказам местных жителей и землепроходцев, находится гора, исследован хуже, чем остальные районы обширного северо-востока. Скептическое отношение к поискам горы сказалось и в том, что автору повести «Не споткнись о Полярный круг!» руководители местных геологоразведочных организаций не оказали материальной поддержки, и самостоятельная экспедиция отправилась в глубины Чукотки на свой страх и риск. Между тем поиск горы из самородного серебра по своему характеру выходит за рамки обычных разведочных работ, требует широкого участия местного населения и геологов-профессионалов.

После того как в журнале «Вокруг света» была опубликована повесть О. Куваева, Чукотский окружной комитет по геологам решил оказать материальную поддержку энтузиастам, которые продолжают поиски. Надеемся, что загадка Серебряной горы будет разрешена.

Красноводский порт — аванпост Средней Азии, выдвинутый на берег Каспийского моря.

НАЧАЛО СКАЗКИ

Дождь может поднять всходы, напоить сады и вымыть улицы города. Но зачем дождь идет в пустыне?

Когда наш маленький самолет пролетал над Небит-Дагом, этим удивительно ровно расчерченным и зеленым городом нефтяников, еще светило солнце, блеснул Узбой, песок повсюду был еще мягким и золотистым. Потом он стал отвратительно серым и ровным. Вместо неба образовалась мутная мгла, и по стеклу самолета побежали капли, но не вниз, как, например, в автомобиле, а вверх.

Природе понадобилось завалить песком весь восточный берег Каспийского моря. Впрочем, скоро появилась еще и мокрая глина. Страшно представить себе человека, который заблудился в такой вот пустыне. Маленькая фигурка, бредущая по потрескавшейся глине такыров, то грязноватой, то белой от выступившей соли. По сухому песку, по волнам барханов тоже идти нельзя. Ноги будут вязнуть, а крохотные озерца впереди — это не дождевая вода, собравшаяся в яме, это соленая вода, которую нельзя пить. Дождь не оставляет в пустыне следа. Пустыня будет лежать такая же безжизненная. Если не считать, что змеи и ящерицы, дождавшись вечера, вытянутся на песке. Даже они не выносят дневного солнца. И все же это не лишняя земля, которую человек может бросить, забыть навсегда, точно ее и нет. Это неустрашенная земля, жуткая и суровая, но она у людей есть, так же как есть реки с зелеными островами и в сосновых лесах есть ручьи.

И вот здесь, над пустыней, глядя то на мокрое стекло, то на альтиметр, который показывает 100, я вспоминаю сказку, услышанную этой зимой. Небо, кажется, начинает светлеть. И дождь уже слабый, моросящий. Под самолетом по-прежнему песок. Вот эта сказка.

...Когда-то давным-давно земля была не такая. Она была вся зеленая. И небо тоже было другим: не голубым, а розовым, как сейчас на заре. Прозрачным совсем и розовым. И вода океанов была чистой и пресной. А звезды висели над землей не так высоко, как они висят теперь, и поэтому даже ночью было светло. Возле рек росли красивые деревья. И рыбы, не боясь, высывали головы, чтобы подышать свежим воздухом. Все было просто. И даже горы были другими. Были горы из меди, были горы из железа, горы были хрустальные, серебряные, горы из никеля, горы из мрамора. И на горах — ступеньки. Все лежало открыто, и все было доступно. И вот появился на земле один человек. Он говорил, что ему все не так. Ходил, пил из морей воду, рвал с деревьев плоды, спал на мягкой траве, глазел на красивых рыб, взбирался на любую гору и все говорил: «Я не

знаю, что мне делать на этой земле. Если все есть, тогда зачем же я? Зачем у меня руки, зачем у меня мозг? Мои руки стали слабеть, мой мозг начал высыхать. И неизвестно, зачем мне глаза и уши». Сияли близкие звезды, плескались рыбы, сверкали горы из железа и никеля. А человек в самом деле слабел. «Чего же ты хочешь?» — спросили его. «Я хочу, — сказал он, — чтобы все было не так. Я ненавижу этих рыб, которые сами прыгают на берег, эти горы и эти ослепительные звезды». Не успел он произнести эти слова, как земля задрожала. Поднялся невообразимый грохот, подул ветер, пошел снег, и высоко вверх взметнулись звезды. В первую секунду человек испугался. А потом вскочил, запрокинул голову и засмеялся: «Я достану эти звезды. Теперь я буду думать, как это сделать. Я все равно достану их». А земля под ним гудела и шаталась. Потом из земли вырвалось пламя, начали плавиться камни. Образовались пустыни, и толстая скорлупа покрыла горы. «Хорошо! — крикнул человек. — Я сделаю пустыню зеленой. Я раскопаю горы и достану себе железо и мрамор». И когда снова наступила тишина, моря стали солеными, а рыбы пугливыми. Для человека пришло время трудиться. С тех пор пробежали многие дни, пробежали столетия...

Поднимаются по стеклу самолета капли, теперь уже редкие и небольшие. А под крылом по-прежнему песок, тянется и тянется пустыня. Кто-то разделил ее. Есть здесь пески Кызыл-Кум. Есть пески Сайнайсак. Пролетели пески Кызыл-Кум — ничего не изменилось, но на карте это уже Сайнайсак. Черный саксаул. Белые пятна соли. Сколько веков лежат здесь эти пески?

— Сейчас будут люди, — сказал пилот.

Мы не поняли. Он крикнул:

— Сейчас будут люди!

В желтых сыпучих песках мы сами прочли начало сказки. Сперва появились темные пятна, будто впитанные промокательной бумагой кляксы. Нефть. Потом выступили вышки, насосы под ними, крыши, дворы и в этих дворах — песок, тоже черный от нефти. Петляла внизу дорога, и на ней автомобили, люди... Как же можно здесь жить, дышать этим воздухом, каждое утро, вставая, видеть белое небо и мертвую равнину, ходить под горячим солнцем, пить теплую, соленую, горькую воду и знать, что впереди еще очень много вот таких же дней?

Что привело сюда людей? Кто они? Каждый шаг по пустыне — это не просто труд, это сражение, изнуряющее, изматывающее, это подвиг, который могут совершить только сильные. Надо очень любить землю для того, чтобы прийти в эту пустыню, разбить здесь палатку, построить дорогу, вышки и дома, сделать пустыню живой и зеленой и такой передать ее другим людям.

Мы вышли на черный песок, прошли вдоль ряда барачков, потом по шоссе направились к вышкам.

У людей — суровые лица, бронзовые, как будто затвердевшие, и спокойные внимательные глаза.

Коммунист Хыдар Бердыев — ветеран в этих песках. Он объездил весь западный Туркменистан. Здесь, в Окареме, из девяти скважин, дающих сейчас нефть, три пробурил он со своей бригадой.

Можно назвать имена других людей, которые день за днем теснят пустыню. Но здесь у всех комбинезоны в одинаковой мере пропитаны солью и нефтью, у всех одно дело.

Для тех, кто создал за каких-нибудь шесть лет Окарем, кто дотянулся до нефти, которой хватит на много лет, километрах в двадцати от этих вышек и барачков, маленьких и тесных, строится настоящий город. Он будет вытянут вдоль моря. Люди смогут вдыхать в себя другой воздух, влажный и чистый, и по утрам, выйдя на балкон, слышать, как шумит прибой. Дети только из книг узнают, как здесь было трудно. Они будут бегать на пляж, бросаться в теплые волны, поднимая снопы брызг, и радоваться тому, что им на земле досталось совсем неплохое место. Первые дома нового города уже выросли. Мы видели их. Они многоэтажные и удобные, такие, как нужно. Возле этих домов можно ходить очень долго и долго смотреть на них, понимая, что здесь больше нет пустыни, и понимая, что сказка тут уже совсем ни при чем.

Люди, приезжая сюда, смотрят на эти дома молча. Мне знакомо это. Год назад в Голодной степи я вот так же молча смотрел на зеленый скверик, где росли большие красные розы.

Голодная степь далеко отсюда, на другом конце необжитой земли. Наступая на пустыню, люди движутся навстречу друг другу.

ЗЕЛЕННЫЕ РОЩИ АТРЕКА

Земля вдоль моря уже не пустует. Челекен — там нефть, большой йодобромный завод. Поселок Камышлджа — совсем недавно там тоже найдены нефть и газ. И все же становится как-то не по себе, когда видишь дома, которые стоят на черном от нефти песке. Песок должен стать зеленым. Здесь еще нужно посадить деревья так же, как сделали это в Небит-Даге, тогда и днем и по вечерам на улицах новых поселков станет куда веселее.

А чуть подалее от моря, юго-восточнее, пустыня на глазах начинает меняться. В ней появляются новые краски. Чаше попадаются кустики травы и даже небольшие деревья. А потом земля становится настолько неузнаваемой, что сыпучие пески рядом кажутся миражем. Их как будто не было. Как не было и такыров и белых пятен соли. Простираются поля, стоят целые рощи деревьев. Падают овцы. Это долина реки Атрек. Сухие субтропики Туркменистана.

Кызыл-Атрек, где кончается наше путешествие на восток, находится примерно на широте Мадрида. Неаполя. Анкары. Это крохотный пограничный город, над которым простирается высокое голубое небо, чуть затененное вдали отрогами гор, и который знаменит тем, что здесь находится опытная станция субтропических культур. Запах листьев, смоченных дождем, совсем обыкновенный запах, показался нам свежим и удивительным, прохладным и сочным

«Финиковая пальма любит, чтобы голова у нее была в пекле, а ноги в воде». Так говорит арабская пословица.

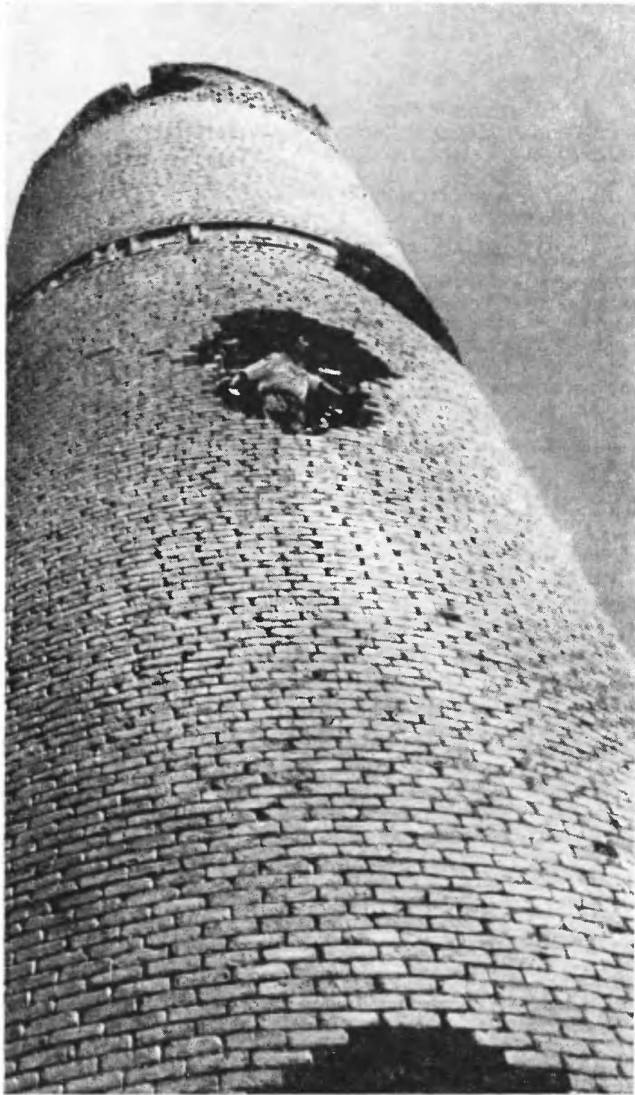
В переводе на русский язык Кызыл-Атрек значит «Красный земной рай». И это похоже на правду. Река, близкое море, которое доносит сюда летние бризы, и жаркое солнце создали здесь оазис.

Пройдя по немощеным улицам, мимо ларьков, возле которых навесы и тень, мимо небольшого, еще не выросшего парка, мы попали в уголок, который одновременно напоминал горячую землю Мексики и зеленые рощи Италии.

То, что мы увидели, даже не сад. Кто-то прошел здесь и разбросал, как ему хотелось, семена, собранные по всей земле. Все вперемешку: пальмы, маслины, испанский дрок, алжирский эвкалипт эльдарская сосна. Потом открылся овраг, где кактусы росли так же свободно, как растут лопухи где-нибудь под Курском. За ними никто не ухаживает, но каждый год кактусов становится больше.

Сотрудники станции преимущественно молодежь. Некоторым, как, например, Светлане Горевой, приходится доучиваться, потому что она окончила институт в Мичуринске и знакомство с лимонами, миндалем, инжиром и гранатом произошло только здесь.

На этой удивительной земле финиковая пальма не просто растет, но и дает плоды — в Крыму

Развалины Дехистана ждут своих исследователей.

и на Кавказе она всего-навсего украшение. Маслины здесь собирают раньше, чем в Италии и в Испании. Они и созревают скорее и дают урожай в три-четыре раза больше, чем там.

Тем, кто любит солнце, природу и настоящую работу, надо приезжать сюда. Конечно, здесь придется узнать, какой бывает настоящая жара в июле, когда заворачиваешься душной ночью во влажную простыню, а днем чувствуешь вкус пыли, но зато из твоих рук пустыня получит саженцы паркинсонии, поинцианы, прозописа или других деревьев, которые не боятся засух и соли, и люди пустыни весь год будут иметь на столе свежие овощи, потому что лук, морковь, редька, капуста созревают в Кизыл-Атреке даже зимой. Ради этого стоит побороться с жарой и пылью.

У паркинсонии тонкие длинные листья, похожие на иглы сосны. Она привезена из Мексики. Здесь, в Кизыл-Атреке, ее приучили к туркменским пескам. Теперь она растет на улицах Небит-Дага и Красноводска. В этом году ее посадят в Окареме.

Но вот овощи в пустыню все еще не везут. В журнале «Сад и огород» я прочитал: «Многолетними опытами доказана полная возможность получения даже в зимнее время в Кизыл-Атрекском и Гасан-Кулийском районах урожая овощей от 5 до 10 тонн с гектара». Это журнал номер

один за 1951 год. В 1962 году в Кизыл-Атреке можно было увидеть гольку несколько грядок редиса и цветной капусты. Почему же должно даром светить солнце, которое в этом краю может не только жечь, но и кормить людей?

В эти весенние дни Атрек наполнен водой. Но уже в середине мая река пересохнет и будет ждать новой воды до октября. Маслиновые рощи и гранатовые сады можно было бы двинуть к северу, намного ближе к пустыне зацвели бы сливы и персики, но для этого сейчас мало воды. Надо ждать, когда подойдут сюда воды Каракумского канала. Тогда не страшен песок. Оазис станет огромным. Страшен только песок без воды. Мы убедились в этом на следующий день, когда сели в машину и поехали... в глубину веков.

ДЕХИСТАН

Куда ни повернешься, блестит вода. На самом деле ее нет. Так переливается, нагреваясь, воздух. До моря отсюда больше ста километров, а Кизыл-Атрек остался на юге.

Дорога темнее, чем песок. Иногда встречаются соленые лужи. Их надо объезжать, не то машина забуксует. Впереди появляется какая-то желтая

Кольцо на лапке птицы — это паспорт с пропиской в заповеднике.

стена, которая как бы перегоразживзает песок. То ли это очень ровная цепь холмов, то ли искусственная насыпь, созданная очень давно, чтобы защитить богатую долину. Проезжаешь дальше — и сразу же открываются развалины древнего города. Занесенные песком груды камней, и вдали, точно обломки высоких гор, две громадные башни и такая же громадная арка. Около семисот лет назад здесь были поля и цвети сады. Каналы, которые поила река Атрек, орошали эту землю. Войны разрушили всю сложную систему каналов, изменила свое течение река, высохли деревья, поля превратились в сыпучий песок, и люди больше не могли здесь жить. Теперь над грудой кирпича, на стене, некогда, видно, неприступной, висит дощечка: «Здесь расположен всемирно известный археологический памятник — развалины средневекового города Дехистан». Можно угадать, что город был громаден. Мы бродим возле башен и собираем обломки глиняной посуды. Горлышко кувшина, ручка кувшина, какое-то позеленевшее украшение из меди.

А что внизу, под кирпичами?.. К сожалению, всемирно известный памятник брошен на произвол судьбы. Солнце и ветер скоро совсем уничтожат и башни и арку, облицованную голубыми и синими плитками. Эта арка уже и сейчас едва держится. Середина ее осыпалась. Но нужно ее сохранить. Нужно сохранить и кладку, и кирпич, сделанный с таким искусством, и тонкий орнамент, украшающий арку, и бойницы в башнях. Конечно, сберечь все это намного труднее, чем, скажем, сберечь минареты и мавзолей Самарканда, потому что слишком беспощадна здесь природа, но сделать это все равно нужно.

..Возвращаясь, мы проезжали мимо аула Суйджихурмен, что значит «сладкая вода». Вода здесь обыкновенная, но она в пустыне и к тому же «своя», из глубокого колодца. Поэтому здесь овцы, кибитки из войлока (в них летом прохладнее), каменные дома. На краю аула строится большая школа с гимнастическим залом. Как раз приехала автолавка.

Мы остановились тоже. Из кибитки, где девушки ткали ковры, вышел мужчина и проводил нас в настоящий дом, который был рядом.

Мы узнали, что в развалинах находят монеты, старинное оружие и здесь, в ауле, у многих большие кувшины оттуда.

Пришло еще несколько человек, и все стали шумно фантазировать и прикидывать, какой здесь будет земля, когда зазвенят рядом воды Каракумского канала.

— Хлопок, — сказал один.

— Еще больше овец, — сказал другой.

— Гранатовые сады до самого моря, — сказал третий.

ГДЕ ЗИМУЮТ ФЛАМИНГО

Впереди был Гасан-Кули, большой поселок перед морем. Оставались последние километры по туркменской земле. Было по-прежнему жарко, здесь уже начиналось среднеазиатское лето.

В Гасан-Кулийский заповедник стоит поехать, чтобы увидеть птиц. Здесь, на море, у самых южных его берегов, зимуют утки, лебеди, хохлатые чернети, фламинго. Но ничего этого мы не увидели. Было поздно: птицы улетели на север. Мы проехали километров двадцать вдоль моря, но почти все время лишь чайки пронеслись над волнами. Один раз тяжело поднялась кряква, да еще крохотные плавунчики покачивались у берега. Потом в сети, поставленные над морем, попало еще несколько разных птиц. Их окольцевали и отпустили, чтобы узнать, куда они улетают. И это надо узнать, потому что их возвращается с каждым го-

дом все меньше. Теперь и зимой здесь не так много птиц. Море изменило свои берега, почти стерло залив, и птицы стали забывать Гасан-Кули...

...В тот день, когда нам нужно было переправляться на другую сторону моря, поднялся ветер и заходили волны, сероватые и зеленые. Но ветер был не резкий. Он был мягкий и теплый. Может быть, на этом берегу, где зимуют фламинго, хорошо построить санатории. Совсем неподалеку отсюда kloкочущие грязевые вулканы и на берегу — мельчайший песок. Санатории для тех, кто добывает нефть, выращивает деревья и овец и делает этот берег живым...

ОКЕАНОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Ценный подарок рыбакам Дальнего Востока сделали ленинградские судостроители с Адмиралтейского завода. Они спустили на воду новые плавучие рыбоконсервные заводы «Андрей Захаров», «Павел Чеботнягин» и «Евгений Никишин». Чем замечательны эти суда?

«Андрей Захаров», например, предназначен для промысла и переработки крабов. На его борту несколько краболовных ботов. Они будут привозить крабов на плавучий завод.

Но промысел крабов — дело сезонное. В «межсезонье», когда крабов не добывают, корабль превратится в рыбоперерабатывающий завод: добывающие суда будут привозить на него сельдь, морского окуня, сайру.

Недавно из Калининградского порта в первый промысловый рейс вышел красавец траулер «Тропик». Он построен специально для промысла в экваториальных водах.

Почти все управление судном автоматизировано. Вахтенный механик из звукопроницаемой кабины следит по приборам за работой обоих двигателей. «Тропик» может вести промысел многими орудиями лова: кошельковым неводом, тралом, ярусными снастями, удами. Для лова тунцов в специальных цистернах хранится живая приманка.

Позаботились конструкторы и об удобствах для моряков. На «Тропике» одно- и двухместные каюты, воздух в них кондиционируется.

Лов сайры до сих пор велся таким способом. Ночью с борта небольшого судна спускают большую прямоугольную сеть, а над самой водой зажигают две яркие лампы. Привлеченная светом, сайра поднимается на поверхность и попадает в сеть. Сеть быстро вытаскивают, но рыбы она приносит сравнительно немного.

По совету сотрудников Гипрорыбфлота рыбаки-дальневосточники провели интересный опыт. Пролетевший над сейнером самолет «повесил» в воздухе яркие осветительные ракеты. Через несколько минут рыбаки заметили освещенный район кошельковым неводом. Результат такого метода лова превзошел все ожидания: чтобы поймать столько сайры, сколько принес один только замет невода, раньше потребовались бы сутки.

Скоро все суда будут ловить сайру новым методом.

Рыбак. Фото Я. ТИХАНОВА